

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Агнешка Пасека, Пётр Филипковски

Агнешка Пасека – приглашенный редактор номера. Она является научным сотрудником (программа Марии Склодовской-Кюри) Института истории Восточной Европы Венского университета. Адрес для переписки: Institute for East European History, Spitalgasse 2, Hof 3, 1090, Vienna, Austria. agnieszka.pasieka@univie.ac.at.

Пётр Филипковски – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. Адрес для переписки: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, ul. Nowy Swiat 72, 00-330 Warsaw, Poland. pfilipkowski@ifispan.waw.pl.

В 1986 году, после почти полутора десятилетий работы, закрылась самая большая из европейских угольных шахт – «Цольферайн» (Zollverein, нем. «Таможенный союз») в Эссене. Семью годами позже прекратила работу последняя еще функционирующая часть этого крупного промышленного комплекса – коксовый завод. Навеки остановился огромный механизм, могущественная (и едва ли не всемогущая) социальная движущая сила, которая на протяжении десятилетий и целых поколений задавала условия существования миллионам людей в Германии, Европе и по всему миру. Ничего необычного в этом не было: остановиться пришлось и многим другим двигателям современной индустриализации и социокультурной модернизации, находящимся в этой части земного шара. Этот процесс был связан с началом «эры постиндустриализации»; говоря прагматическим языком – с изгнанием наиболее вредного, трудоемкого и опасного (как для людей, так и для окружающей среды) производства в места как можно более отдаленные, лучше всего – за пределы Европы и Соединенных Штатов – туда, где ресурсы (пока еще) весьма обильны, а население (все еще) крайне бедно.

Закрытие «Цольферайн» в этом отношении не было ни неожиданностью, ни исключением из общего правила. Политики, экономисты и инженеры планировали и контролировали процесс остановки производства, протекавший постепенно и в течение довольно длительного периода времени. Необычным был только тот факт, что с самого начала конца завод оберегали от разрушения и демонтажа и сохраняли для так называемой постиндустриальной эпохи. По прошествии пары лет он превратился в динамичный центр искусства, культуры и творческой индустрии. Одним из доказательств целесообразности такого преобразования, которое в официальном языке называется «сохранением за счет пе-

репрофилирования», стало то, что в 2001 году ЮНЕСКО внесла угольно-промышленный комплекс шахты «Цольферайн», сотню гектаров прилегающих к нему земель с несколькими расположенными на них шахтами и коксовым заводом в список объектов всемирного культурного наследия. Следующим значимым шагом на пути к успешному преобразованию комплекса было открытие в 2010 году Рурского музея в помещении бывшей углемойки. Когда-то здесь сортировали, хранили и распределяли для последующей переработки каменный уголь. Архитектурный облик углемойки полностью соответствовал ее производственному назначению. Сегодня в бывшей *машине* (ныне переделанной в *здание*)¹ размещаются весьма впечатляющие музей и культурный центр. Расположенная на трех просторных этажах основная экспозиция музея повествует об увлекательной истории освоения недр Рурского угольного бассейна, начиная с изучения древнейших ископаемых и прочих палеонтологических находок и вплоть до этнографических наблюдений и социологических карт, отражающих новейшие формы человеческого творчества и воображения, включая мифы и стереотипные представления об этом постиндустриальном районе. Связующим звеном между археологическими находками и современными наблюдениями является, естественно, индустриализация, полностью перекроившая этот мир.

Впрочем, этот увлекательный музей пытается выйти за рамки рассказа об истории отдельного промышленного региона, пусть даже столь известного и экономически важного. Кураторы музея призывают нас увидеть в этом конкретном историческом примере историю всего человечества или, по крайней мере, один из возможных вариантов ее развития – одну из множества историй, не лишённую, однако, некоторой универсальной значимости. И, несмотря ни на что, история, которую рассказывает нам музей, – это история успеха. «Цольферайн», бывшая некогда двигателем прогресса и модернизации, сегодня является удобным и со вкусом организованным пространством, в котором можно учиться, выступать, творить, но прежде всего – потреблять культуру, при этом не нанося вреда «естественной» окружающей среде, восстановленной за то время, которое прошло с момента закрытия завода. Окружающими ландшафтами можно любоваться с крыши музея: теперь, когда нет больше дымящих заводских труб, мягкий, приятный глазу рельеф долины Рура, не так давно бывшей одним из самых индустриализованных регионов мира, вновь покрывает зелень деревьев. Статистика подтверждает это впечатление (или иллюзию?) о постиндустриальной идиллии: ежегодно «Цольферайн» посещают полтора миллиона гостей; здесь проходят сотни выставок, реализуются театральные и другие культурные проекты. Множество посетителей приезжает сюда не для того, чтобы что-либо произвести (за исключением художников, исполнителей и других

¹ Это преобразование не было ни «случайностью», ни влиянием какого бы то ни было «архитектурного направления»: мы используем в данном случае фразу, гордо повторяемую основателем и бывшим директором музея Ульрихом Борсдорфом, дабы подчеркнуть, что то, что ныне представляет собой музейное *здание*, когда-то было огромным промышленным *механизмом*, или *машиной*. Поэтому наше «прочтение» этой архитектурной формы подчинено ее промышленной/социальной/культурной функции.

представителей «творческой индустрии»), но для того, чтобы получить удовольствие и набраться впечатлений, а также поразмыслить о промышленном «наследии человечества».

Статьи, представленные в этом выпуске, можно понимать в том же ключе – как упражнения в постиндустриальной рефлексии. С антропологической точки зрения, эту рефлексию можно назвать двойной герменевтикой: мы размышляем о том, как люди в разных культурных контекстах размышляют об индустриальном прошлом – своем и мест своего обитания. Впрочем, примеры постиндустриальных социальных миров, о которых говорим мы, менее выразительны, а их истории преодоления гнета прошлого менее успешны. Сегодня, четверть века спустя после закрытия «Цольферайн», мы гораздо менее склонны верить в возможность столь успешного «преобразования» и, одновременно, больше убеждены в неоднозначности его результатов. При сравнении с постиндустриальными процессами, протекающими во всем мире, становится очевидно, что трансформация Рурского бассейна – скорее исключение из правил, чем показательный пример постиндустриального развития. Приходится признать, что в разговоре о постиндустриализации невозможно обойтись только черными и белыми красками.

Классические интерпретации постиндустриального общества (Touraine 1971; Bell 1973; Block 1990; Hage and Powers 1992) связывают его прогресс с ростом значимости сферы услуг и экономики знаний, быстрыми и широкомасштабными технологическими прорывами и повышением роли высшего образования. Благодаря значительному влиянию пространственно-экономической реструктуризации на повседневную жизнь постиндустриализация связана и с изменением моделей социальных отношений, появлением нового понимания общества и распространением постматериалистических ценностей, прежде всего – признанием ценности самовыражения и высокого качества жизни. Участники первой волны дискуссий о постиндустриализации в 1970-х и 1980-х годах, в основном политологи и социологи, мало заботились о непосредственном эффекте остановки производства. Гораздо больше внимания они уделяли абстрактной форме «постиндустриальных времен» и тем самым вписывали свои соображения о конце индустриальной эпохи в глобальный контекст «послелогии» (*afterology*) (Hann and Hart 2011:142; ср. Sahlin 2002). Многие теоретики распознавали социальный и культурный потенциал постиндустриализации и описывали ее как эпоху более дружелюбных, равноправных, состоятельных и креативных обществ. Другие, напротив, торопились зафиксировать свидетельства неизбежного неравноправия, растущего консьюмеризма, вредоносной технократии и экономического ущерба, связанного с упадком производства. Доводы сторонников первого мнения ныне практически отвергнуты в силу своей монокаузальности, ибо являются чрезмерно упрощенным и вообще утопическим взглядом на социальные изменения. Однако и второй подход лишь незначительно дополняет картину постиндустриальной трансформации. Нынешние исследователи опыта постиндустриальной эпохи скорее склонны признавать его амбивалентность и указывать на тесную связь между положительными и отрицательными чертами «постиндустриальной революции» (см.: Nelson and Cooperman 1998).

Беглое знакомство с реализуемыми в настоящее время проектами показывает, что в любой публикации о постиндустриализации с одинаковой долей вероятности можно встретить как рассуждения о нестабильности, трудностях жизни беднейших слоев населения и деградации, так и о творческом производстве, новых способах проведения свободного от работы времени и расцвете добрососедских отношений – просто потому, что первые определяют последние. Документируя очарование «постиндустриальных руин» и «загробной» жизни рабочих городских районов, невозможно не задаваться вопросом о том, кто, собственно, соглашается жить на этих развалинах и «производить» их новую идентичность (необходимую постольку, поскольку старая, связанная как раз с *производством*, распалась). Следующий вопрос, который, разумеется, возникает в связи с этой проблематикой, – в какой мере старые и новые жители района разделяют эту изменившуюся идентичность? Точно так же невозможен анализ природы развития креативных экономик и «духа гибкости», основанный исключительно на представлениях о выгоде, получаемой обитателями постиндустриального Запада и игнорирующий ущерб от аутсорсинга, наносимый не только дальним странам, но самому Западу (где от него страдают безработные и не полностью занятые слои населения (Kester 1993:79)), а также классовые, расовые и национальные различия, тесно с этим ущербом связанные. Кроме того, исследуя многообразные практики мемориализации и сохранения наследия индустриальной эры, неправильно было бы принимать в расчет лишь некоторые категории социальных агентов и замалчивать существование других.

Несмотря на всю очевидность этих наблюдений, в литературе по рассматриваемой теме о них упоминают редко. Социальный опыт постиндустриализации зачастую не по силам ухватить не только авторам, представляющим описанные выше в критическом ключе утопические видения постиндустриализации, но даже и более критичным и дифференцированным исследованиям. Примечательно, что чаще всего это происходит с работами, оспаривающими редуccionистские взгляды Даниэля Белла и его последователей; авторы этих работ пытаются сосредоточиться на опыте тех, кому постиндустриализация принесла не выгоду, а только убытки. Они склонны оперировать столь же редуccionистскими категориями «бедноты», «безработных», «рабочего класса». Мы не подвергаем сомнению необходимость использования каких бы то ни было категорий и классификаций, но призываем помнить, что за общими категориями кроются вполне конкретные контексты, исторические события и изучаемые общества. Во всех материалах этого номера подчеркивается важность антропологической перспективы в изучении постиндустриализации – перспективы, которая, высвечивая конкретное и уникальное, тем самым прокладывает путь рефлексии о более общем и универсальном.

Этот тематический выпуск *Laboratorium* дает пример подобной рефлексии и приглашает читателя присоединиться к нашим антропологическим экзерсисам. Эти упражнения должны быть основаны на серьезных этнографических исследованиях, на большой базе полевых материалов. Авторы публикуемых здесь текстов покажут нам несколько таких постиндустриальных «полей» – очень разных и, на первый взгляд, имеющих между собой мало общего. Каждое из них, тем не менее,

являет собой результат деиндустриализации, или, если попытаться избежать столь жесткой предопределенности, – образец долговременных социальных последствий постиндустриализации – с одной стороны, и попыток символически преодолеть ее наследие – с другой. Несмотря на все расхождения, оба эти процесса и множество их промежуточных вариантов тесно связаны между собой, пусть даже один из них «уловлен» в американском промышленном музее, другой – в мечети, возведенной на месте заброшенной лондонской маслодельни, а третий – в постиндустриальном промышленном поселке в российской глубинке. Их объединяет общая ориентированность на прошлое. Какие бы новые социальные комбинации ни возникали в этих местах, какие бы новые формы культурной репрезентации ни развивались, людские жизни и действия определяются промышленным наследием, его дарами и проклятиями. Работа фабрик может быть приостановлена, но они продолжают оказывать как материальное, так и символическое влияние на людей, поэтому люди не в состоянии поведать о своей жизни в отрыве от них.

Обсуждая достоинства подобных антропологических упражнений, мы хотели бы подчеркнуть несколько факторов, снижающих риск аналитического редуционизма и делающих этнографические методы и способ восприятия особенно подходящими для изучения постиндустриальных процессов. Во-первых, несмотря на то, что антропология давно уже не считается пригодной для изучения исключительно незападных обществ, именно в рамках антропологии все еще можно найти детальные исследования незападных социальных миров. Эти исследования позволяют нам рассмотреть различные маршруты (пост)модернизма и (пост)индустриализации, познакомиться с разнообразием человеческого опыта и реакции на эти процессы и понять, как разные социокультурные контексты могут предопределять эти реакции и мешать им. Поэтому антропологические исследования вносят важные коррективы в зачастую этноцентрические отчеты о постиндустриализации на Западе и приглашают поразмыслить об универсальности применяемых нами концепций. При этом они не отменяют, но дополняют наши представления о постиндустриализации, обнаруживая ее общемировые измерения. Например, знаменитая работа Джеймса Фергюсона о добыче меди в Замбии (Ferguson 1999) повествует о парадоксальном продолжении колониализма, убедительно демонстрируемом упадком местных шахт, вновь ставших собственностью британской фирмы. Антрополог, изучающий проблемы окружающей среды, Джерри К. Джака (Jaska 2015) рисует драматическую картину сопредельных промышленного и постиндустриального пространств, сосуществование которых предопределено спросом на общемировую добычу природных ресурсов и соответствующим неравномерным развитием высокогорий Папуа – Новой Гвинеи. Сходным образом в своем обзоре городов глобального Юга Лоретта Лиз (Lees 2014) показывает, что процессы джентрификации часто проходят не в постиндустриальных пространствах, а в неравномерно развивающихся городских районах, переживающих и преиндустриализацию, и индустриализацию, и постиндустриализацию одновременно. Подобные работы наглядно демонстрируют потенциальную ценность и растущую необходимость исследований, проливающих свет на все сложности глобальной (пост)индустриализации.

В свете всего сказанного становится очевидна важность роли ученых, занимающихся восточноевропейскими постсоциалистическими контекстами (как это наглядно демонстрирует публикуемая в данном выпуске статья Джереми Морриса о российском моногороде). Тем не менее на постиндустриализацию в постсоциалистической Европе (и в постсоциалистическом мире в целом) до сих пор обращали на удивление мало внимания. Заполнить этот пробел особенно важно, поскольку тогда нам, возможно, удастся пролить свет еще на одну сторону постиндустриализации, а именно на тот факт, что человеческое переживание постепенного упадка промышленности совпало с приватизацией промышленности и целым рядом связанных с приватизацией новых явлений (таких как график работы, нормы, ценности). Этот аспект обсуждается Адамом Мрозовицким (Mrozowski 2011) в его работе о представителях польского рабочего класса, которые оказались вполне способны и выразить свое отношение к новым ограничениям, и успешно с ними справиться. Той же проблематики касается Томаш Раковски в своей работе (Rakowski 2009), посвященной безработным польским шахтерам и бездомным, прослеживая их путь от беспомощности к обретению выхода из трудной ситуации. Феликс Рингель (Ringel 2014) сходным образом рассматривает вопросы о том, как люди пытаются спасти быстро гибнущий город на территории бывшей ГДР. Изучение постиндустриальных пространств в постсоциалистических государствах позволяет провести сравнительный анализ с новой точки зрения и отметить сходство опыта рабочих в разных социополитических режимах (например, сходство в том, что касается отношений между работой и самореализацией или семейных связей между фабричными работниками). Несмотря на снижение интереса к постсоциализму (а может, благодаря этому), вполне можно ожидать появления новых работ о постиндустриальном аспекте постсоциалистического пространства².

С другой стороны, мы располагаем многочисленными антропологическими исследованиями различных аспектов постиндустриализации в США. За последнее время было издано много работ, посвященных самым разным аспектам этой темы: мемориализации производства (Shackel and Palus 2006; Stanton 2006), соотношению расового и экономического неравенств (Adams 2010), джентрификации и изменению городской среды (Lloyd 2006), влиянию деиндустриализации и связанной с ней безработицы на жизни семей (Dudley 1994; Walley 2013), а также новым формам трудоустройства (речь идет в том числе о трудоустройстве пожилых людей на нестабильной работе (Lynch 2012) и «образцового» персонала неолиберальной эпохи (Urciuoli 2008)). Получив широкое признание, многие из этих работ стали ключевыми в любом разговоре о «классе», «пригородах» или «джентрификации»: учитывая доминирование в этой области американских ученых, ничего другого ожидать не приходится, даже несмотря на то, что такое положение дел не всем по вкусу. Впрочем, некоторые из названных работ можно подвергнуть серьезной критике за этноцентричность взгляда и неумение рассмотреть далекие последствия обсуждаемых проблем. Рецензии Камила Лучая и Ханны Го-

² См., например, проект Института социальной антропологии им. Макса Планка под названием «Промышленность и неравенство в Евразии» (http://www.eth.mpg.de/3537102/industry_and_inequality).

сподарчик в настоящем выпуске журнала показывают, что подобные упущения и некоторые не слишком удачные формулировки (такие, например, как «наше американское общество») не мешают этим скрупулезным и детальным описаниям конкретных семей, кварталов или общин многое поведать нам о положении человека в рамках неолиберальной экономики в целом.

Поэтому мы возвращаемся к ранее упомянутому соотношению «частного» и «общего» и к утверждению, что этнографический способ восприятия и сравнительный анализ позволяют нам лучше разобраться в прожитом опыте постиндустриализации. Описывая недостатки или преимущества недавних социоэкономических изменений, антропологи представляют людей как неотъемлемую часть соответствующих сообществ и мест обитания и благодаря этому получают возможность исследовать все разнообразие ресурсов, помогающих местным жителям реагировать на происходящие изменения. Ведь вне зависимости от того, идет ли речь о лидерах «креативных экономик» или сокращенных фабричных рабочих, этнографические описания постиндустриальных времен отличаются именно своим видением социальных агентов как активных деятелей, а не пассивных объектов воздействия, что в свою очередь позволяет нам выйти за рамки дихотомии «противостояние – приспособление». Даже когда действующие лица подобных отчетов очень привязаны к прошлому – бывшей работе, любимым привычкам или стилю жизни, который был «лучше» и «реальнее», – их привязанность необязательно означает неспособность приспособиться. Скорее, она задает структуру, в которую вписываются (новые) действия.

Чтение недавних этнографических работ наводит и на другое важное соображение – о непреходящей значимости *работы* как источника смысла, задающего индивидуальную субъектность (Morris; Luczaj, настоящий номер *Laboratorium*), а также *класса* как категории, определяющей людские желания, возможности и жизненные шансы. Разителен контраст между двумя этими наблюдениями и ранними теориями постиндустриализации, которые, с одной стороны, выдвинули тезис о «конце работы», а с другой – представили чрезмерно оптимистический взгляд на «некласс нерабочих» (Gorz 1982). Оспаривая эти предсказания, а заодно вступая в спор и с собственными внутридисциплинарными традициями (ср. Smith 1984)³, антропология недавно вернулась к исследованиям класса, продемонстрировав при этом полную пригодность антропологических инструментов для измерения и описания классовых различий и классового воспроизводства (см., например: Ortner 2006; Jeffrey 2010; Durrenberg 2012; Walley 2013; а также Millar 2015). Этнографические работы постиндустриальных времен вносят в это обсуждение значительный вклад именно благодаря вниманию к тому, как класс продолжает сливаться с другими аспектами идентичности (такими как этническая принадлежность, вероисповедание и гендер), как класс мобилизуется в процессе исключения и включения в новые постиндустриальные пространства (Balzani; Pasiaka, настоящий номер *Laboratorium*).

³ До недавнего времени изучение класса, по крайней мере в открытую, не считалось важным в антропологии.

И в самом деле, постиндустриальные пространства по умолчанию кажутся царством классовых различий и конфликтов. Как выяснилось в ходе рассказа о Рурском музее, приспособление бывшей производственной площадки вызывает целый ряд вопросов о том, кому выгодно творческое преобразование старых промышленных зон и в какой мере (вос)созданные жилые районы и учреждения воспроизводят, пусть и под другим названием, старые формы социальных различий. Из ответов на эти вопросы становится понятно, что часто, вместо того чтобы бороться с бездомностью и неравномерностью городского развития, новое градостроительство отдает предпочтение аккуратно спроектированным, четко отделенным друг от друга жилым кварталам, а музеефикация превращает множество прежде «обитаемых» районов в «места, пригодные лишь для посещения» (Rutheiser 2005; Vaccaro 2006). Вместе с тем именно на них лежит ответственность за парадокс, состоящий в том, что новые переселенцы хотят жить в благоустроенном пространстве, но при этом жалуются на утрату городом «души» и идентичности; в ностальгии по романтичному городскому ландшафту, но не по его прежним обитателям (Zukin 2010). В то же время, столь же «типично антропологическое» постоянно высказываемое убеждение, что «на самом-то деле все гораздо сложнее», которое в данном случае должно служить предупреждением против упрощенческой критики нового среднего класса с его аккуратными кварталами и заботой об экологии, равно как и столь же упрощенческой идеализации страданий рабочего класса. Выводя на передний план неоднозначную роль разных агентов в воспроизведении нестабильности, нанесении ущерба окружающей среде и сохранении неравенства, антропологические исследования призывают нас пересмотреть эти давно устаревшие бинарные оппозиции.

Этнографические исследования, предпринятые в этой области в последнее время, рассказывают прежде всего об *общечеловеческих* страданиях. Становится очевидно, что, несмотря на то, что мы преуспели в создании и поддержании постиндустриального социального порядка в отдельных местах (обычно за счет других, находящихся в менее выгодном положении, народов), мы еще только начинаем осознавать – не говоря уж о том, чтобы преодолеть – глобальные последствия индустриализации. Эксплуатация ресурсов продолжает наносить планете неизмеримый и невозполнимый ущерб. Как убедительно показывает в своей проникновенной книге Рой Скрэнтон (Scranton 2015), уголь – «черное золото», питавшее человеческую экспансию на протяжении последних двух сотен лет, – неизбежно (из-за выбросов в атмосферу углекислого газа) станет основной причиной нашего упадка. Другой такой урок преподносится нам прямо сейчас, в момент написания этих строк: горение сотни тысяч гектаров индонезийских лесов вследствие безудержной эксплуатации глобальной пищевой промышленностью катастрофически загрязняет атмосферу и наносит непоправимый ущерб природе и людям. Примеры, приводимые в нашем номере, – куда менее трагичные (ибо они показывают в первую очередь человеческую жизнестойкость и способность к действию) – составляют часть той же истории. Дабы понять эту всеобщую взаимосвязанность и наше «постиндустриальное наследие» в целом, нам нужно срочно предаться антропологической рефлексии!

В тематическом блоке *Laboratorium* три статьи и четыре рецензии. Автор первой – Джереми Моррис – предлагает читателю захватывающий отчет о повседневной жизни производственных рабочих в бывшем российском моногороде Излучине. Описывая попытки местных жителей сделать постиндустриальное пространство «обитаемым» за счет переоценки социальных уз или выработки общей для работников физического труда идентичности, автор бросает вызов не только широко распространенным представлениям о царящей в постиндустриальных районах депрессии, но и академическому дискурсу, способствующему возникновению подобных представлений. Отнюдь не идеализируя постиндустриальную эпоху и не игнорируя сопутствующие ей опасности и нестабильность, Моррис рисует яркую картину жизни людей, «находящих наилучшее применение постсоциалистическому “наследию” городского пространства» (Morris, настоящий номер *Laboratorium*, с. 43). Эту статью важно сравнить с рецензией Кристиана Коллера на книгу Массимилиано Маллоны «Сделано в Шеффилде: Этнография производственной работы и политики», изображающей повседневную борьбу и родственную солидарность обитателей английского постиндустриального пригорода («посттэтчеровской» эпохи).

В другой работе (также посвященной Великобритании) обсуждается конфликт, развернувшийся в постиндустриальном лондонском предместье, по поводу использования заброшенной маслодельни и приспособления ее под мечеть. Автор статьи Марция Бальцани не ограничивается изложением позиций и анализом аргументов двух противостоящих сторон, она «наносит на карту» противоречивые установки и интересы всех участников – как местных, так и глобальных (среди которых и выходящее далеко за рамки отдельного государства мусульманское сообщество, и исламофобы, и муниципальные и конфессиональные власти, и зажиточный средний класс, и новые иммигранты). Так же как и редакторы сборника, обсуждаемого в рецензии Алёны Пфозер («Реанимируя промышленные пространства: Проведение работы с памятью в постиндустриальных обществах»), Бальцани видит оспариваемую производственную площадку как место столкновения множества голосов и сама идентифицирует некоторые из разнонаправленных сил, оказывающих влияние на это место. Проведенный Бальцани анализ конфликта является не только анализом частного случая, но позволяет говорить о сложных взаимоотношениях между религией, этнической принадлежностью и классом в постиндустриальном контексте в целом.

В том же ключе работает предпринятое Агнешкой Пасекой исследование промышленного музея в Новой Англии, оно выводит автора к обсуждению сохраняющей свою актуальность классовой идентичности и связи между классом и этнической принадлежностью. Теоретически документируемая ею история музея, увековечивающего память промышленного наследия Соединенных Штатов Америки, представляет собой инклюзивную «американскую историю», однако на практике эта история довольно часто исключает некоторые слои населения. Превознося времена индустриализации, музей в конечном итоге прославляет идеал «хорошего работника» и, соответственно, «хорошего гражданина» – идеал, недосягаемый для новых поколений рабочих и новых иммигрантов. Многие наблюдения

Пасеки находят соответствующие параллели в рецензиях, помещенных в этом номере: отзыве Камила Лучая на книгу Кристины Вэлли «Съезд ноль: Семья и класс в постиндустриальном Чикаго» и рецензии Ханны Господарчик на книгу Кэйтрин Линч «Пенсия под вопросом: Возраст, работа и ценность на американской фабрике». Оба рецензента подробно обсуждают противоречия, формирующие обнаруживающийся в этих монографиях постиндустриальный американский контекст, и в связи с этим высказывают свои соображения по поводу нашего понимания постиндустриализации вообще.

*Перевод с английского Елены Леменёвой,
научный редактор перевода – Анна Парецкая*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Adams, Luther. 2010. *Way Up North in Louisville: African American Migration in the Urban South*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Bell, Daniel. 1973. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Block, Fred. 1990. *Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse*. Berkeley: University of California Press.
- Dudley, Kathryn. 1994. *The End of the Line: Lost Jobs, New Lives in Postindustrial America*. Chicago: University of Chicago Press.
- Durrenberg, Paul, ed. 2012. *The Anthropological Study of Class and Consciousness*. Boulder: University Press of Colorado.
- Ferguson, James. 1999. *Expectations of Modernity: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt*. Berkeley: University of California Press.
- Gorz, Andre. 1982. *Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism*. London: Pluto Press.
- Hage, Jerald, and Charles Powers. 1992. *Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century*. London: Sage.
- Hann, Chris, and Keith Hart. 2011. *Economic Anthropology: History, Ethnography, Critique*. Malden, MA: Polity Press.
- Jacka, K. Jeremy. 2015. *Alchemy in the Rain Forest: Politics, Ecology, and Resilience in a New Guinea Mining Area*. Durham, NC: Duke University Press.
- Jeffrey, Craig. 2010. *Timepass: Youth, Class, and the Politics of Waiting in India*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kester, Grant. 1993. "Out of Sight Is Out of Mind: The Imaginary Space of Postindustrial Culture." *Social Text* 35:72–92.
- Lees, Loretta. 2014. "Gentrification in the Global South?" Pp. 506–521 in *The Routledge Handbook on Cities of the Global South*, edited by Susan Parnell and Sophie Oldfield. New York: Routledge.
- Lloyd, Richard D. 2006. *Neo-Bohemia: Art and Commerce in the Postindustrial City*. New York: Routledge.
- Lynch, Caitrin. 2012. *Retirement on the Line: Age, Work, and Value in an American Factory*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Millar, Kathleen M. 2015. "Introduction. Reading Twenty-First-Century Capitalism through the Lens of E. P. Thompson." *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology* 73:3–11.
- Mrozowicki, Adam. 2011. *Coping with Social Change: Life Strategies of Workers in Poland's New Capitalism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Nelson, Joel, and David Cooperman. 1998. "Out of Utopia: The Paradox of Postindustrialization." *Sociological Quarterly* 39(4):583–596.

- Ortner, Sherry. 2006. *New Jersey Dreaming: Capital, Culture, and the Class of '58*. Durham, NC: Duke University Press.
- Rakowski, Tomasz. 2009. *Łowcy, zbieracze, praktycy niemocy*. Gdańsk, Poland: Słowo, obraz, terytoria.
- Ringel, Felix. 2014. "Post-Industrial Times and the Unexpected: Endurance and Sustainability in Germany's Fastest-Shrinking City." *Journal of the Royal Anthropological Institute* 20(S1):52–70.
- Rutheiser, Charles. 2005. "Making Place in the Nonplace Urban Realm: Notes on the Revitalization of Downtown Atlanta." Pp. 317–341 in *Theorizing the City: The New Urban Anthropology Reader*, edited by Setha M. Low. Piscataway, NJ: Rutgers University Press.
- Sahlins, Marshall. 2002. *Waiting for Foucault, Still*. Chicago: Prickly Paradigm.
- Scranton, Roy. 2015. *Learning to Die in the Anthropocene: Reflections on the End of a Civilization*. San Francisco: City Light Books.
- Shackel, Paul A., and Matthew M. Pales. 2006. "Remembering an Industrial Landscape." *International Journal of Historical Archaeology* 10(1):49–71.
- Smith, Raymond. 1984. "Anthropology and the Concept of Social Class." *Annual Review of Anthropology* 13:467–494.
- Stanton, Cathy. 2006. *The Lowell Experiment: Public History in a Postindustrial City*. Amherst: University of Massachusetts Press.
- Touraine, Alain. 1971. *The Post-Industrial Society; Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society*. New York: Random House.
- Urciuoli, Bonnie. 2008. "Skills and Selves in the New Workplace." *American Ethnologist* 35(2):211–228.
- Vaccaro, Ismael. 2006. "Postindustrial Valleys: The Pyrenees as a Reinvented Landscape." *Social Anthropology* 14(3):361–376.
- Walley, Christine J. 2013. *Exit Zero: Family and Class in Postindustrial Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Zukin, Sharon. 2010. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. New York: Oxford University Press.